

**Николай
МАЛЬЦЕВ**

**ЗАРУБКИ
ПАМЯТИ НА
СКРИЖАЛЯХ
ИСТОРИИ**

**АЛГОРИТМЫ И РЕБУСЫ
РУСОФОБИИ ЗАПАДА**

Николай Мальцев

**Зарубки памяти на скрижалях
истории. Алгоритмы и
ребусы русофобии Запада**

«Автор»

2016

УДК 94
ББК 63.3

Мальцев Н. Н.

Зарубки памяти на скрижалях истории. Алгоритмы и ребусы
русофобии Запада / Н. Н. Мальцев — «Автор», 2016

ISBN 978-5-906861-93-1

Мало кто знает, что во времена, предшествующие царствованию Петра I, на Руси был свой календарь и свое древнерусское летоисчисление. Но в 7208 г. царь своим указом выкинул из древнерусского календаря 5508 лет и ввел христианское летоисчисление по западноевропейскому образцу. По логике здравого смысла, не может быть такого, чтобы предыдущее летоисчисление в 5508 лет имело место в реальной истории, но не имело под собой никаких исторических фактов. Современной наукой, к примеру, признается, что цивилизация Египта – одна из самых древних человеческих цивилизаций. Однако древнеегипетский календарь практически на два тысячелетия «моложе» древнерусского календаря. К большому сожалению там, где начинается официальная, признанная наукой история Древней Руси и русского народа, там здравый смысл не работает. Чтобы исправить ситуацию Н. Мальцев предлагает читателю не подлинник реставрированной истории, но ее авторскую реконструкцию.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-906861-93-1

© Мальцев Н. Н., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
Глава 1	9
Годы детства и юности	9
Чему меня научила деревенская школа	10
На перепутьях судьбы	15
Безальтернативный выбор между тюрьмой и учебой	18
Глава 2	23
Наработка индивидуальных методов накопления технических знаний	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Мальцев
Зарубки памяти на скрижалях истории.
Алгоритмы и ребусы русофобии Запада

© Мальцев Н.Н., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Предисловие

Пока я пишу эти строки, по христианскому календарю на дворе стоит прохладный май 2016 года. Мало кто помнит и знает, что 316 лет назад, во времена, предшествующие царствованию Петра Первого, на Руси был собственный календарь и собственное древнерусское летоисчисление. Сегодняшний 2016 год соответствует 7524 году древнерусского летоисчисления. Другими словами, в 7208 году царь Петр Первый своим указом выкинул из древнерусского календаря 5508 лет и с 1 января ввел христианское летоисчисление по западноевропейскому образцу. Таким образом, из 7208 года собственного летоисчисления Русское государство перешло в 1700 год европейского летоисчисления, берущего свое начало от земной жизни Иисуса Христа. По логике здравого смысла, не может быть такого, чтобы предыдущее летоисчисление в 5508 лет имело место в реальной истории, но не имело под собой никаких исторических фактов. Однако там, где начинается официальная, признанная современной наукой история Древней Руси и русского народа, там здравый смысл не работает. О петровской реформе календаря 1700 года, урезавшей русское летоисчисление на 5508 лет, если мне память не изменяет, я узнал ещё со школьной скамьи. Надеюсь, что и современных школьников по предмету истории России информируют о петровской реформе летоисчисления. Но никогда школьные учителя и официальная наука не расскажут нам о том, откуда у царской России появился столь древний календарь и какими событиями наполнены эти 5508 лет урезанной истории России?

Мне в школе рассказывали, что вплоть до «изобретения» Кириллом и Мефодием в 863 году н. э. кириллического письма все славяне, а значит, и русские люди не имели письменности и были безграмотными варварами. Но если русские люди были безграмотными варварами, то откуда же они взяли столь древний календарь и как вели запись летоисчисления? Мне могут возразить, что славяно-русские народы в древности могли каким-то образом ознакомиться с религией иудаизма и взять за основу собственного летоисчисления то летоисчисление, которое лежит в основе еврейской Торы и Ветхого Завета. Но и эта версия не работает. Проверил по интернету. Оказалось, что сегодняшний 2016 год соответствует 5777 году еврейского летоисчисления, приведенного в строгое соответствие с Торой и Ветхим Заветом Библии. По древнерусскому календарю сегодняшний 2016 год соответствует 7524 году. Таким образом, календарь наших предков на 1747 лет старше календаря еврейского народа. Если мы будем опираться на данные современной науки, то не найдем ни одного календаря, который был бы древнее и старше того древнерусского календаря, который был уничтожен царским указом Петра Первого.

К примеру, цивилизация Египта наукой признается одной из самых древних человеческих цивилизаций. Однако древнеегипетский календарь практически на два тысячелетия «моложе» древнерусского календаря. Это означает, что русский народ по крайней мере на целых полторы-две тысячи лет старше всех народов Евразии и Африки. Совершенно очевидно, что никаких вечных исторических скрижалей, на которых бы последовательно фиксировалась история земного человечества от доисторической древности до нашей современности, в природе не существует. Каждая новая цивилизация, а иногда и даже отдельный правитель, как в случае с Петром Первым, разбивали скрижали прошлой истории или стирали с них все ранее написанные тексты и записывали новые.

Так из истории человечества исчезали целые пласты исторических событий прошлых тысячелетий. А в результате таких обрезаний и укорочений продолжавшаяся сотни миллионов лет история земного человечества «скукожилась» максимум до 6–7 тысяч лет. Все наше прошлое покрыто мраком забвения или переведено в народный эпос мифов и сказаний.

Причем яростным сторонником такой обрезанной версии истории земного человечества выступает сама мировая наука. Сотни и даже тысячи сохранившихся на всех территориях зем-

ного шара мегалитических сооружений, пирамид, дворцов и храмовых комплексов, древних карт поверхности земного шара, письменных артефактов и артефактов археологических находок, надписей на русском языке на пирамидах и храмовых комплексов официальная мировая наука или умалчивает и отвергает, как подделки, или сокращает их время появления таким образом, чтобы они укладывались в их общенаучную мировую парадигму. В этой парадигме не предусмотрено никаких технических превосходств наших далеких предков над современными учеными и достижениями современного научно-технического прогресса. По данным официальной науки, не было рептилоидных инопланетян, не летали «виманы», не велись войны с использованием разрушительного оружия и не было других исторических событий, которые упоминаются в индийских и славяно-арийских ведах, в мифах древней Греции и в других эпических источниках народов земного шара.

Что же остается делать, чтобы хотя бы примерно восстановить историю земного человечества? Сразу же скажу, что реставрировать историю, как художники реставрируют старую картину, с которой в некоторых местах слетела краска, а общая картина сохраняется, невозможно никакому гению. Общей картины у истории человечества нет, а те письменные и архитектурно-технологические скрижали, на которых древние цивилизации писали свои исторические события, разбиты вдребезги, уничтожены потопами и оледенениями или сожжены в огне умышленных поджогов. От понятных скрижалей остались лишь жалкие осколки прошлого, которые называются артефактами. Каждый исследователь тайных сторон человеческой истории по авторскому праву свободы выбора и близости к Богу раскладывает эти осколки артефактов в своем разуме, как ему бог положит на душу, и, руководствуясь подсознанием души человеческой, получает на выходе не подлинник реставрированной истории, а её авторскую реконструкцию.

Сколько есть в наше время независимых исследователей тайных сторон человеческой истории, столько существует и разновидностей исторических реконструкций. Этого не надо бояться и не надо отвергать эти многочисленные реконструкции, как априори ложные. Если читатель искренне хочет понять историю, то он обязан изучить как можно больше индивидуальных реконструкций и выработать свою, которая может и не совпадать ни с одной из тех реконструкций, которые он изучал. В этой работе я попытаюсь изложить собственную реконструкцию исторических скрижалей, которая коренным образом отличается от всего множества других реконструкций, которые мне удалось изучить как с помощью религиозно-ведических источников или с использованием материалов лекций на You Tube других исследователей тайных сторон человеческой истории, так и с помощью гипотез современной науки. В основе моей реконструкции лежит твердая вера в особое предназначение православия как главного представителя Бога Всевышнего, духовной опоры и защитника Его интересов в среде земного человечества. В своей исторической реконструкции я также исхожу из того, что земная и инопланетная жизнь, как и все человечество от древности до современности, возникли не сами по себе, а как необходимый элемент божественного Промысла.

Особое место я отвел некоторым биографическим фактам собственной жизни и обобщающим воспоминаниям о советском периоде нашей недалекой истории. Сейчас мне исполнилось 73 года, и я являюсь свидетелем советского прошлого от середины прошлого века вплоть до гибели и разрушения Советского Союза и восточноевропейских стран социалистически-коммунистического уклада. Сейчас к идее коммунизма я отношусь отрицательно. Это была оформленная в материалистическое правдоподобие утопия, специально придуманная для оболыбления православного русского народа и других народов СССР и стран мирового содружества. Но не все так просто! В моем историческом прошлом, неразрывно связанным с историческим прошлым советского народа, было так много хорошего, что я просто обязан поделиться своими воспоминаниями об этом периоде нашей недавней истории. Дело в том, что начиная с ельцинской эпохи на советское прошлое обрушилась такая черная ложь её небла-

годарных сынов и пасынков, что просто необходимо довести до молодых читателей, незнакомых с жизнью советского народа, личные ощущения прямого свидетеля безо всяких прикрас и прибавлений. Поразительно, но при всяком отсутствии бытового комфорта я испытывал в советское время непередаваемое чувство уюта, радости и уверенности в своем будущем. Вот эти чувства и постараюсь зафиксировать в своих свидетельствах о советском прошлом.

Часть I

Биографические заметки о становлении личности

Глава 1

Ностальгический экскурс в советское прошлое

Годы детства и юности

Моя жизнь началась в 1943 году. В широком смысле слова я являюсь общественным продуктом советской системы образования и советских социально-общественных отношений. Родился в крестьянской семье и крещен как православный ещё в младенческом возрасте. Мать и бабушка были верующими людьми и держали в доме иконы. Деревянная сельская церковь была разрушена, когда мне было лет пять отроду. Маму в довоенном ликбезе научили выводить каракули своей подписи, и на этом её образование закончилось. Читать она не умела. Бабушка была полностью безграмотна. Да жизнь в деревне и не требовала образования. В тяжёлые послевоенные годы мать круглый год без выходных и отпусков работала в колхозе. Бабушка тоже с утра до вечера занималась домашним хозяйством и трудилась на огороде. В расположенной от нас километрах в 7–10 деревне, говорят, сохранилась церковь, также работало несколько церквей и в городе Тамбове. Но по недостатку времени и занятости мама и бабушка никогда не уходили на богомолье, ради того, чтобы принять участие в общем церковном богослужении. Особо усердно молиться им было некогда. Перед ликами избяных икон и молились мама и бабушка, как правило рано утром или перед сном, отдавая молитвам не более пяти-семи минут своего житейского времени.

Отец прошел всю войну солдатом. Демобилизовался из Германии в конце 1945 года старшим сержантом. Не получил за годы войны ни одного ранения, однако в Бога не верил и до конца жизни оставался атеистом. Но у отца тоже была вера. Он верил в науку и научные знания. Перед войной отец окончил курсы трактористов-комбайнеров, но после войны по учебным пособиям и природной смекалке достиг такого технического совершенства, что исполнял должность механика, а затем и инженера. Скорее не по должности, а по факту отец имел глубочайшие технические знания по всем видам сельхозтехники и классно владел всеми специальностями, необходимыми для жизни в сельской местности. Отец вызывал у меня восхищение. Я видел, с каким уважением к нему относились на работе в МТС, а также и односельчане, которые даже в праздничные дни или по вечерам рабочих дней приходили непрерывной чередой за советом и с просьбой что-нибудь изготовить или отремонтировать. Может быть, по неверию отца, а может быть, под воздействием воинственного атеизма советской власти, но мама и бабушка никогда не принуждали меня молиться вместе с ними. Тем не менее советские праздники не считались праздниками, а православные христианские праздники дружно отмечали всей семьей. Отец, хотя и был атеистом, не возражал против религиозных праздников.

Я всегда ощущал себя православным верующим, но так получилось, что через обожание отца и его технических знаний в моей детской душе так и не проснулась тяга к религии. Моя православная вера не исчезла, но надолго упряталась где-то в глубинах подсознания моей детской души. Этому уходу в тень веры в Бога способствовало то обстоятельство, что через восхищение отцовскими знаниями я приобрел веру в науку. Значительно позже, уже на склоне лет, я отчетливо понял, что хотя большинство людей считают себя самодостаточными и независимыми мыслителями, но это мнение обманчиво. На деле это не соответствует действитель-

ности. Ход наших мыслей и суждений и наши выводы по тем или иным жизненным ситуациям, по всему спектру интересов нашей личности, опираются на веру в те фундаментальные идеи, которые вложены в нас близким окружением или образованием. Вера в наборы каких-то идеалов и идей, которые укоренились в наших душах, главенствует над ходом наших мыслей, когда мы оцениваем общественные явления, будущее нашей страны и земного человечества, оцениваем собственные жизненные поступки или планируем наше индивидуальное будущее.

Вера в набор идеалов и идей сужает аналитические способности нашего разума. Однако мы не в силах освободиться от веры во внутренние идеалы. Поэтому мы автоматически отбрасываем или определяем как несущественные все события и явления, которые не вписываются в нашу парадигму внутренней веры, а всякое даже незначительное и второстепенное событие, совпадающее с нашей парадигмой внутренней веры, превращаем в существенное и главное. В советские времена я вовсе не замечал, что все жизненные идеалы нашей внутренней парадигмы веры, включая и весь спектр общественных и естественных наук, конечно, кроме веры в Бога, частично ложны или недостоверны. Философ Кант прав: «чистого разума действительно не существует». По этой причине каждый человек атеистического склада мышления, что бы он ни анализировал и над чем бы ни размышлял, в своих выводах очень далек от истины. То же можно сказать и о людях, подобных мне в молодости и моей взрослой жизни во времена СССР. То есть о таких людях, которые формально принадлежат православию, иудаизму или исламу, но, обольстившись наукой или социальными идеями, осознанно упрятали свою веру в Бога в глубины подсознания и верят в какой-то конгломерат научных и общественных идеалов. Способствовало укреплению этой веры в науку и неутрачивающая советская пропаганда атеизма как в школе, так и вне стен школы.

Чему меня научила деревенская школа

В деревне под Тамбовом, где я родился, была лишь начальная четырехлетка. Мне было два года, когда закончилась Великая Отечественная война с Германией. Мать практически без выходных работала в местном колхозе. Отец вернулся с войны лишь в конце 1945 года и тоже сразу же стал работать механиком в МТС. В раннем детстве я жил с родителями и бабушкой в деревне Козьмодемьяновка, в избе, стены которой были сложены из крупных блоков. Блоки формировались из смеси глины и соломы и назывались саманами. В наше время такие дома – большая редкость даже для самых бедных деревенских жителей. Крыша избы тоже была покрыта соломой. Таких крыш в наше время нигде не встретишь. Их прекратили строить из-за высокой пожароопасности и малых сроков службы. Через пять лет солома сгнивала под солнцем и дождями и требовала полной замены. Деревня находилась в семи километрах от железнодорожной станции Сабурово и примерно в 25 километрах от города Тамбова. Несмотря на такую близость к городу, электрического освещения не было, и мы пользовались керосиновой лампой. Мать работала в местном колхозе, а отец работал в Машинно-тракторной станции, расположенной вблизи станции Сабурово.

Родителей я видел лишь поздними вечерами. Я даже сомневаюсь, что в колхозе были выходные. Отец в весенне-летний период работал разъездным механиком походной мастерской и иногда, когда находился в наших краях, заезжал днем пообедать. Зимой он ремонтировал технику в МТС и дома появлялся редко. Мама и бабушка были малограмотными. Мама буквы знала, но никогда даже не пыталась учить меня грамоте, а отцу было некогда заниматься моим обучением. Тем не менее ещё задолго до того, как пойти в первый класс, примерно с 3–4 лет, я освоил азбуку и ещё до школы, чтобы показать родителям свою грамотность, вечерами читал им статьи из газеты «Правда», мало понимая смысл содержания. Конечно, начальные знания я получил не из воздуха или от потусторонних сил.

Дело в том, что впритык к нашей избе была прилеплена такая же самановая изба, где жили с матерью мои старшие по возрасту двоюродные братья. Витя был старше меня на шесть лет, а Коля – на три года. Их отец, родной брат моей матери, погиб на фронте. Мать моих двоюродных братьев также с утра до вечера трудилась в колхозе. Несмотря на такой ежедневный труд, в доме братьев была страшная послевоенная нищета, а сами они были всегда голодными и не ели вдоволь даже обыкновенного черного хлеба. Я думаю, что они выжили, потому что наша общая бабушка, которая жила совместно с моими работающими родителями, их постоянно подкармливала. В семье я рос один и, видимо, когда научился ходить, мешал бабушке выполнять работы по домашнему хозяйству. Одного меня надолго оставлять было опасно. Долгими зимами, бабушка собирала узелок продуктов, клала туда краюху хлеба и отправлялась вместе со мной в гости к моим двоюродным братьям. Чтобы попасть в их избу, по улице надо было пройти метров 10. Она передавала узелок с продуктами старшему Вите и просила его присмотреть за мной и занять меня чем-нибудь пару часов, пока она занимается по хозяйству.

Отводила она меня в избу моих двоюродных братьев скорее ради их подкормки, но и мне в их обществе было веселее. Никаких игрушек в моей избе и избе моих братьев никогда не было. Витя учился в местной начальной школе. Он часто выполнял за столом домашние задания, а мы с Николаем придумывали игры и занимали себя, чем могли. Когда мы ссорились, он давал нам букварь. Показывал и называл какую-нибудь букву и предлагал запомнить. Букварь меня очень заинтересовал. Я и сам подходил к Вите, показывал очередную букву и просил его произнести её название. Так голодной и холодной зимой 1946–47 года, будучи в возрасте трех лет, мне удалось изучить и запомнить все буквы русского алфавита. В весенне-летний и осенний период посадки, окучивания, уничтожения сорняков, а затем и уборки картофеля я физически не мог следовать за бабушкой.

Одного она меня тоже оставить не могла. В сентябре 1947 года двоюродный брат Коля пошел в первый класс. Витя учился слабо. Его во втором классе оставили на второй год. Такая система была повсеместной. Многие хронические «второгодники» сидели в каждом классе по два года и завершали начальное образование только в 15-или 16-летнем возрасте. Витя не был хроническим второгодником, но во втором классе и он задержался. Причин я не помню, но, вероятно, у него просто не было обуви и верхней одежды, чтобы в зимнее время 1944–45 учебного года посещать школу. Беднота в деревне была такая, что ни у одного ученика не было настоящего портфеля. Вместо портфелей использовали холщовые сумки, сшитые родителями из старых вещей. В весенне-летнее время и даже в первый месяц осени вся деревенская детвора ходила по улице исключительно босиком, в том числе и на школьные занятия. Я настолько привык к детскому босючеству, что и, переехав позже в пристанционный поселок, в семи километрах от моей деревни Козьмодемьяновка, вплоть до окончания Сабуро-Покровской десятилетки в теплое время не пользовался никакой обувью. Для посещения школы и для поездок в город, конечно, обувался, но обувь меня тяготила и, можно сказать, даже лишала какой-то внутренней свободы.

Как только выдавалась возможность, я сбрасывал постылую обувь и сразу чувствовал облегчение. Даже усталость пропадала. Так надолго впиталось в меня мое босоногое детство. В дни деревенского детства начальная школа была рядом, не более чем в четырехстах метрах от нашей избы. Но все равно в зимнее время без обуви и без верхней одежды преодолеть это короткое расстояние было невозможно. Вот по этой причине не только Витя, но и многие мои деревенские сверстники не могли посещать школу и оставались второгодниками. Если мне память не изменяет, то бабушка договорилась с учительницей, и Витя с Колей уже в трехлетнем возрасте брали меня с собой на школьные занятия. Видимо, учеников было мало или не хватало учителей, потому из экономии ученики всех четырех классов находились в одном помещении, а занятия вела одна учительница. Это частое присутствие на занятиях и помогло

мне в трехлетнем возрасте не только освоить азбуку, но и научиться читать газеты. Сколько я ни напрягал память, чтобы вспомнить что-то негативное, какие-то обиды на нищету и полуголодное детство и меня самого, и моих сверстников, но ничего негативного не открывалось. Не знаю, может, это свойство моей личной памяти, выбрасывать и стирать все плохое, а оставлять только хорошее, но во мне сохранилось только ощущение счастья. Такое же счастье я ощущал и в моих деревенских сверстниках.

Если бы в жизни возможно было чудо повторения своего прошлого, то я не хотел бы изменить в своем прошлом ни одного мгновения. Моей ностальгии по детству нисколько не мешает голод, нищета и суровый быт деревенской избы без ванны, туалета и даже без электрического освещения. Все это я вспоминаю со счастьем и благодарностью. Другой вопрос, а выдержал бы я из сегодняшней старости суровые условия детства, если бы чудесным образом перенесся в то далекое послевоенное время в своем преклонном возрасте? Выдержать, может быть, и выдержал, но пережил бы тяжелый стресс от дискомфорта бытовых условий. И виновно в этом было бы не мое сознание, а достигнутый комфорт бытовых условий современной цивилизации. Совершенно уверен, что бытовой комфорт разлагающе действует на наше сознание и способствует духовной деградации. Не избежал этого и я.

Я думаю, что нет на Земле человека, который бы ещё с раннего детства не поражался красотами окружающего нас мира и ни разу не поинтересовался у своих родителей, учителей или друзей и знакомых тайнами ночного неба, тайнами Луны и звезд или не расспрашивал взрослых и сверстников, что такое Солнце и что кроется в бездонных пространствах того космического небосвода, который окружает нашу Землю? Если говорить о самом себе, то мой детско-юношеский интерес к таинству звезд и таинствам Вселенной был вполне удовлетворен школьной программой по астрономии, математике и физике. В то же время в те юношеские времена я проявлял жадное любопытство к техническим наукам. Уже перейдя в среднюю Сабуро-Покровскую школу-десятилетку, буквально проглатывал от корки до корки такие журналы, как «Техника-молодежи», «Наука и жизнь» и другие журналы из научно-популярной серии. Родители по моей просьбе оформили мне подписку на ряд научно-популярных журналов для взрослых и для молодежи.

В середине прошлого века даже для низкооплачиваемых деревенских жителей была возможность оформить подписку на любые периодические издания, в том числе на газеты и периодические научно-популярные издания, потому что годовые подписки на них стоили сущие копейки и никак не влияли на семейный бюджет. Где-то с шестого-седьмого класса я ежемесячно получал научно-популярную периодику. Но мне этого казалось мало. Я шел в библиотеку, брал на дом подшивки научно-популярных журналов за прошлые годы и с великой жадностью проглатывал их, как самую захватывающую художественную литературу. При этом у меня никогда в школьные годы не возникало сомнений в истинности тех законов и тех формул, которые приводились в школьных учебниках или в научно-популярной литературе, я их принимал практически без всякой доказательной базы.

Учебники если и давали доказательства истинности, например, основных законов ньютоновой механики, закона всемирного тяготения Ньютона, закона сохранения энергии, как и всех других физических законов поведения механических и полевых форм материи в виде магнетизма, электричества и света, то очень в слабой и примитивной форме. Зато в учебниках присутствовали портреты великих гениев науки, их даты жизни и смерти с кратким описанием их научной деятельности и открытых ими законов. Все это действовало магическим образом на неокрепшее юношеское подсознание и разум, и я воспринимал научные законы с полной убежденностью в их истинности и доказанности. Вспоминая себя в школьные годы, я бы сказал так: в те времена я воспринимал законы науки, определяющие поведение и взаимодействие механических и полевых форм материи в тех или иных условиях окружающей среды, даже не как алгоритмы, установленные и открытые живыми людьми научного сообщества средне-

вековья, а как самые проверенные религиозные догмы и постулаты, которые не нуждаются в дополнительной проверке.

Совершенно определенно можно сказать, что моя любовь к науке базировалась на полной и безусловной вере в научные авторитеты ученого сообщества. Тем не менее после окончания десяти классов деревенской средней школы я не чувствовал себя человеком, имеющим достаточно полные систематические знания по основным физическим предметам средней школы. Попробую объяснить эту свою неуверенность отрицательным влиянием бросивших ещё семилетнюю школу друзей моего деревенского детства, а также собственным школьным окружением. С самых первых классов я никогда не был «зубрилой», а обходился довольно быстрым пониманием сути вопроса. На выполнение домашних заданий тратил минимум времени. Где-то до четвертого класса был круглым отличником, и это очень льстило моему детскому самолюбию.

Однако учиться на отлично среди подростков нашей школы было непрестижно. Шли голодные и холодные послевоенные годы, в которых значительная часть деревенских подростков была «свободной» от школы безотцовщиной. Даже те подростки, которые учились, воспринимали школу как не нужную обузу и повинность. Других друзей у меня не было, и вскоре я занял такую же позицию, мягко говоря, прохладного отношения как к школьным занятиям, так и ко всем школьным мероприятиям. Пионером я никогда не был. В комсомол меня принудили вступить учителя, но никаких комсомольских «нагрузок» и поручений я не нес, а от собраний увиливал всякими возможными способами. Как круглый отличник с первого по пятый-шестой классы, я выглядел белой вороной среди подавляющей массы моих друзей-сверстников, которые были в основном троечниками и даже двоечниками. Начиная примерно с пятого-шестого класса под влиянием своих бросивших даже семилетнюю школу уличных товарищей и слабо учившихся сверстников-одноклассников я тоже охладел к школьной учебе и стал безразличен к отличным оценкам.

В нашей деревенской среде не было принято, чтобы родители читали нотации, проверяли дневники или выполнение домашних заданий. По крайней мере, в моей семье родители прекрасно знали о моих способностях к учебе и поэтому никогда не довели надо мной, не проверяли мой дневник и не читали мне долгих нотаций. Все их напоминания об учебе были чистой формальностью. На самом деле мне была предоставлена полная свобода выбора. И эта полная свобода была главным и довлеющим фактором моего становления как взрослого и самостоятельного человека. Всякие свои ответственные и даже безответственные шаги я с раннего детства принимал не по рекомендациям или внушениям родителей, учителей или собственных друзей, а только по внутреннему убеждению на основании интуиции и размышлений собственного разума.

В то же время родители всегда были для меня высшими морально-духовными авторитетами. Я чтил их авторитет, поражался их высочайшей нравственности и праведности в повседневной жизни, поражался чистоте и спокойствию их личных взаимоотношений и взаимоотношений с односельчанами и родственниками. Но выбор я делал самостоятельно, и, как правило, родители никогда и не советовали мне, куда поступать и какую избрать специальность. Что я могу твердо сказать, так это то, что родители очень не хотели, чтобы после окончания школы я никуда не поступил и остался нахлебником родителей или стал рабочим местного совхоза или колхоза. Независимо от родителей и я сам не мыслил свое будущее после окончания школы в родительском доме. И это объяснимо повальным пьянством местной сельской молодежи и отсутствием каких-либо перспектив профессионального роста. Да и какой мог быть профессиональный рост в небольшой деревне молодому человеку без высшего или среднетехнического образования и не имеющему никакой рабочей специальности?

Как бы то ни было, но при посредственной учебе по учебным программам шестых-десятих классов средней школы, при регулярных прогулах школьных занятий и при неизменных

ежедневных деревенских уличных «тусовках» с «посиделками», танцами под деревенскую гармошку и ритуальными кражами яблок, малины или клубники в соседских садах и огородах я сохранял неизменную тягу к научно-популярным изданиям и мог их запоем читать в свободное время от школы и уличных гуляний. Правда, с таким же ненасытным чувством я поглощал и детско-юношескую литературу, такую, например, как «Всадник без головы», «Два капитана», «Как закалялась сталь», «Разгром», а также работы Дюма и Диккенса. Особенно ошеломляющее впечатление на меня произвели стихи Сергея Есенина и книга Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Из-за любви к чтению я дружил с односельчанином Женей Черноусовым, который был на год или два старше меня и так увлекался чтением, что не дружил с деревенской компанией и не участвовал в наших ежевечерних «посиделках» и в краже яблок. Когда бы я к нему ни заходил в гости, он всегда читал очередную книгу. Мне было лень посещать школьную или сельскую библиотеку. Чаще всего я брал у Жени Черноусова рекомендованные им книги и читал их до утра после вечерних гуляний с деревенской компанией. Теперь я осознаю, что использовал бесконечную личную свободу детских и юношеских лет не всегда на пользу учебы, но несколько об этом не жалею. Из сегодняшнего далека учеба в школе тянулась медленно и нудно. В старших классах школы я всегда был получужим и отстраненным от общешкольных дел и увлечений, потому что все друзья из моей уличной деревенской компании к этому времени бросили учебу в школе. Они или помогали родителям по хозяйству, или просто бездельничали.

Когда я был в своей подростковой компании, то дни были наполнены веселыми и рискованными внешкольными гуляниями и событиями. Скажу откровенно и о самом плохом. Особым шиком считалось своровать бывшие в употреблении просмоленные креозотом железнодорожные шпалы, которые были штабелями сложены на откосах железнодорожного полотна. Ночью их надо было перетащить на собственной спине на довольно значительное расстояние до поселка, а затем продать по два рубля тем хозяевам, которые собирались отремонтировать свои деревенские избы или строить новые дома из старых шпал вместо самановых развалюх. Добытые деньги тратились без остатка на покупку самогона или денатурата. Особой доблестью считалось в эту же ночь купить на все добытые деньги спиртное и полностью его выпить. Чаще всего таким воровским времяпрепровождением мы занимались с моим закадычным другом Иваном Лучкиным. Он уже бросил школу и работал чернорабочим на железной дороге.

Что могу сказать? Могу сказать, что за период восьмого – десятого класса средней школы я выпил такое количество спиртного суррогата, которого не выпил по крайней мере за двадцать-тридцать лет последующей взрослой жизни. Если бы в те времена в стране действовала не система среднего десятилетнего образования, а одиннадцати- или двенадцатилетняя система, то я вряд закончил бы школу, а пополнил ряды полуспившейся сельской молодежи, промышлявшей воровством и продажей урожая свеклы и зерновых с колхозных полей или урожая клубники и яблок из соседнего плодово-ягодного совхоза «Сабуровский». В памяти сохранилось, что школьные занятия тянулись бесконечно долго и нудно. Казалось, что надоевшая учеба никогда не кончится. И вдруг эта затянувшаяся на десять долгих лет бесконечная череда нелюбимых школьных занятий и таких кратких зимних и летних каникул как-то разом остановилась и наступила пора выпускных экзаменов. Несмотря на мое презрительное отношение к учебе, благодаря личному интеллекту аттестат зрелости оказался не самым плохим, но и, конечно, не самым лучшим.

Из пятнадцати аттестационных дисциплин были выставлены по четырем предметам тройки, в том числе по черчению, основам производства, астрономии, русскому языку и литературе. В сочинении я наделал много грамматических ошибок, так как не уделял никакого внимания грамматике и синтаксису. И тройка была вполне заслуженной оценкой по этому важному предмету. Но она меня особо и не волновала, кем-кем, но гуманитарием я себя никогда

и не мыслил. Обидной была только тройка по астрономии. Астрономию я знал и любил, но тройку по ней я получил в качестве мести за мое хулиганское поведение на уроках и презрительное отношение к учителю. Пятерки были выставлены по всеобщей истории, истории и конституции СССР. Я их никогда и не учил, но эти предметы вела одна и та же учительница Татьяна Тихоновна Желобанова. Она умела привлечь к себе всеобщее внимание какой-то особой неистовостью и отдачей. Как говорится, была учителем от Бога. Отсутствием памяти я не страдал.

Одного внимания и тишины на уроках было для меня вполне достаточно, чтобы при вызове к доске я досконально и с блеском отвечал на все поставленные вопросы. Поэтому эти три пятерки в аттестате зрелости были вполне адекватны полученным знаниям. Неудивительно, что только её имя и отчество я и запомнил. Еще запомнил учителя по математике Ольгу Ивановну Попову и её мужа – учителя по русскому языку и литературе Попова Павла Евдокимовича. Павел Евдокимович был фронтовиком. Он ушел из жизни, когда я учился в восьмом классе. Кто нам преподавал русский язык и литературу после него, я не запомнил. Остальных учителей я помню очень смутно. Их имена и отчества стерлись из памяти, хотя они прикладывали массу сил и здоровья и без остатка отдавали себя, чтобы я и другие ученики усвоили ту школьную программу, которая была необходима нам для поступления в средние и высшие учебные заведения, как и вообще для взрослой жизни. Перечислю и остальные предметы аттестата зрелости. Это алгебра, геометрия, тригонометрия, естествознание, география, физика и химия. По всем этим предметам в моем аттестате были выставлены хорошие оценки.

На перепутьях судьбы

Сейчас я понимаю, что выставляли оценки не столько по фактическим знаниям, сколько по совокупности интеллекта, поведения на уроках и вообще по общему отношению к школьным занятиям. Хорошие оценки по основным техническим дисциплинам давали мне возможность поступать в любой технический ВУЗ, если не Москвы, то хотя бы областного значения. В самом Тамбове был институт химического машиностроения, а в ближайшем городе Мичуринске – престижный сельхозинститут, а также и пединститут. В Тамбове и Мичуринске также имелось высшее военное летное училище и несколько средних военных училищ. Военным я никогда не стремился стать из-за страха перед военной дисциплиной. После деревенской вольницы и полной свободы во все времена, кроме школьных занятий, военная дисциплина мне казалась добровольной тюрьмой. А уж в пединститут меня невозможно было заманить никакими благами и льготами. Даже если бы в пединститут принимали без вступительных экзаменов, я бы туда никогда не пошел.

Дело в том, что я вдоволь насмотрелся на те унижения и оскорбления, которым подвергали некоторые внутреннее озлобленные, возможно по генной наследственности или по семейным обстоятельствам, ученики нашей школы даже такого уважаемого мной и другими учениками учителя, каким был Павел Евдокимович. Одним из таких злобных травителей учителей нашей сельской школы был мой сверстник и дружок по вечерней компании Толя Трегубов по кличке «Дудок». В обычной жизни он не был драчуном и не выглядел озлобленным негодяем. Был обычным деревенским пацаном, как и многие мои сверстники. Но во время школьных уроков в его душе срабатывал какой-то нехороший механизм и превращал Толика в озлобленного и отъявленного негодяя, который вызывающим шумным поведением или просто выкриками и репликами в сторону учителя доводил последнего до белого каления и нервного срыва.

Он мог войти в раж злобы при любом учителе, и тогда познавательное течение урока надолго прерывалось, а сам урок превращался в психологическую стычку озлобленного Толика со столь же озлобленным учителем. Хорошо помню, как на приказ Павла Евдокимовича, как и других доведенных до крайностей учителей, немедленно выйти из класса Толик, как зверек,

вцеплялся побелевшими пальцами в торцы парты, а ногами зацеплялся за нижнюю перекладину парты и ехидно ухмылялся. Павел Евдокимович, как и другие учителя нашей школы, не могли допустить неисполнение своего приказа хотя бы ради того, чтобы окончательно не потерять авторитет в глазах всего класса. Доведенные до бешенства учителя и сами частично «зверели», включая и учителей женского пола. Проявляя всю силу своих учительских рук, они отрывали негодяя от парты и вышвыривали за дверь класса. Иногда удаленные с урока школьники ещё долго не давали проводить урок, эпизодически заглядывая в класс и строя учителю лукавые рожицы.

В нашей деревенской школе было достаточно много учеников, подобных Толику Трегубову. По несколько раз их оставляли на второй год, и тогда под их злобу попадали другие учителя. Мучения прекращались только после того, как таких злобышей окончательно отчисляли из школы. Взамен им возникали новые, так что жизнь основной массы учителей вечно находилась под атакой маленьких и злобных негодяев. Обстановка в классе была такова, что никто из учеников класса не смел осуждать поведение таких маленьких негодяев. Может быть, втайне и осуждали, а открыто радовались и выражали восторг от того, что вместо знаний на том или ином уроке получали зрелище вспышки злобы и взаимной ярости. Удивительно, но на уроках Татьяны Тихоновны такие вспышки злобы были крайне редки. В ней была какая-то непонятная учительская жилка особой воли, которая принуждала учеников к тишине и спокойствию. Но попадались такие отъявленные негодяи, что и её заставляли выгонять их из класса. Не могу найти объяснения этому чуду, но даже отъявленные негодяи её слушались и покидали класс безо всякого сопротивления.

Меня тоже нередко выгоняли с уроков. Я уходил и был рад свободе, а после горделиво рассказывал, как мне было хорошо и приятно, пока мои одноклассники отбывали повинность неволи в стенах школы. И ведь действительно, вспоминая себя в те далекие годы, я могу подтвердить, что, будучи удален с урока, не испытывал никаких угрызений совести или огорчения. Даже сейчас я не могу найти разумного объяснения своим поступкам и своему поведению. Я не могу понять, чем подпитывался мой протест к школе, ведь другого пути, как получить нормальное образование и поступить в какое-нибудь высшее или среднее учебное заведение, просто не было, чтобы вырваться из порочного круга сельской жизни. Вспоминая о своем, необъяснимом даже в сегодняшнем времени, вызывающем поведении, я осознаю, что учителям не за что было меня любить или испытывать ко мне благожелательность, а тем более личную симпатию. Тем не менее, если судить по вполне объективным и даже слегка завышенным оценкам моего аттестата зрелости, коллектив учителей школы оценил мои знания без всякой предвзятости или ответной мстительности.

Считаю, что занижена только оценка по астрономии, зато явно завышена оценка по физике. Чего-чего, а физику я просто физически не мог знать на четверку. Домашних заданий я не делал, а на уроках физики даже не мог понять, о чем говорит учитель. При общем шуме вслушиваться в слова учителя было невозможно. Я даже не могу оценить, был ли он доходчивым учителем или его объяснения школьных тем были запутанны и непонятны. Кличкой «Кутек» многие хулиганистые ученики обзывали его прямо на уроках. Он не обращал на это никакого внимания и что-то объяснял по теме урока, но его слабого голоса не было слышно уже во втором ряду парт. Что-то понять из его объяснений было невозможно. А ведь физикой и физическими законами при чтении научно-популярных журналов вне стен школы я очень интересовался. А вот на уроках физики так же безобразничал, как и другие отъявленные хулиганы нашего класса.

От злобных хулиганов я отличался только тем, что не испытывал никакой ненависти или злобы ни к одному школьному учителю. Мне их было искреннее жалко. И больше всего я жалел именно учителя физики, крупного, но болезненного вида мужчину по кличке «Кутек», а также учительницу немецкого языка, средних лет женщину необыкновенно маленького роста

по кличке «Кляйн». Этим учителям-бедолагам доставалось больше всего, потому что они не имели ни воли, ни желания наводить какой-либо порядок на своих уроках. Их совершенно не волновало, что ученики громко разговаривали между собой или занимались посторонними делами. Лично я, по своей деревенской ограниченности, не понимал, зачем мне нужен иностранный язык. Я не хотел его учить как бы осознанно. К большому сожалению, никто не мог мне доказать или объяснить обратное, хотя делали это многократно наши классные руководители и сам директор школы. В отличие от немецкого языка, физика мне была интересна, но на уроках физики стоял такой шум и гам, что понять или вдуматься в слова учителя было невозможно. Домашние задания к этому времени я не делал и учебников не читал, поэтому никаких системных знаний после окончания школы по физике не имел. Четверка была явно завышенной оценкой.

Получив на руки в июне 1960 года аттестат зрелости, я буквально впал в психологическую кому. Во-первых, в силу своего деревенского комплекса неполноценности я не был уверен в том, что моих школьных знаний достаточно для поступления в технической ВУЗ. Во-вторых, я реально ощущал глубокие провалы в знании школьной программы по техническим предметам, а также по русскому языку и литературе. В-третьих, я понимал всем своим внутренним существом и неокрепшим разумом деревенского подростка, что оставаться в деревне мне невозможно. До службы в армии оставалось ещё два года, и если все это время я буду находиться в своей деревенской компании, то просто сопьюсь и стану начинающим алкоголиком, а ещё хуже – сяду в тюрьму за какую-нибудь групповую кражу колхозного или совхозного имущества, или за кражу бывших в употреблении железнодорожных шпал.

Итак, в 1960 году я окончил десятилетку и получил аттестат зрелости. Вера в науку и всепроникающая пропаганда воинственного атеизма сделали свое дело. К этому времени я скорее был настоящим безбожником, чем верующим христианином. Апофизом отхода от веры в Бога явилось внутреннее признание того факта, что род людской произошел от обезьяны. Школьное советское образование настойчиво вдалбливало в мое сознание мысли, что никакого Бога в природе не существует, все живое развилось само собой из первичного «бульона» океанских вод, а примерно 40 тысяч лет назад некоторые виды обезьян стали использовать палку для добычи пищи и превратились в племена первобытного примитивного человека. Дальнейшее эволюционное развитие этих примитивных племен и породило всё разнообразие современного человечества.

Если бы я по каким-то причинам ещё в молодости углубленно изучил научную гипотезу происхождения человека от обезьяны, то, несомненно, самостоятельно нашел бы в ней массу недоговорок, нестыковок и зияющих противоречий, что заставило бы меня усомниться в истинности этой гипотезы, а значит, усомниться в истинности самой науки и начать поиск альтернативного пути происхождения человека. Этого не произошло. И наверное, к лучшему. Я думаю, что если бы в школьные годы советских времен середины прошлого века я открыто стал доказывать ложность теории Дарвина, да ещё приводить аргументы и настаивать на своей гипотезе, то я бы был признан не молодым талантом, а был признан сумасшедшим и оказался на принудительном лечении в дурдоме. Психиатрия в СССР была очень сурова, и любое отклонение от нормы в оценке истинности школьных научных знаний, а тем более упорное неверие в якобы доказанные научные теории могли тут же признать психическим отклонением. Таковы неизбежные издержки советской образовательной системы, которая не только вкладывала в нас знания, но стригла наш неокрепший разум под одну гребенку и старалась добиться максимального единомыслия по всему спектру научных и общественных знаний.

В наше время я убедился, что и западная система образования делает то же самое, если не хуже.

Мне повезло тем, что я был не хилее своих сверстников. Мне не было дела до анализа тех постулатов, которые мне вдалбливали в школе. Роль обычного «попугая», умеющего уве-

ренно повторить то, что говорил учитель и что было написано в учебниках, меня в годы юности вполне устраивала. Не только в советские времена, но и во все времена, включая нашу современность, успешными учениками и студентами становятся такие молодые люди, которые успешно усваивают принципы образовательного популайства. Говори не то, что думаешь, или вообще не задумывайся глубоко о том, что говоришь, но говори то, что хочет услышать от тебя твой преподаватель, и у тебя не будет никаких проблем с оценками и с самим процессом обучения.

Безальтернативный выбор между тюрьмой и учебой

Ещё до получения аттестата я крепко задумался о своем будущем. Чтобы не маячить в деревне, не расстраивать и не огорчать родителей, мне было жизненно необходимо немедленно покинуть деревню и поступить хотя бы в техникум или даже ПТУ. Опасность тюрьмы и слома всего моего будущего я ощущал не столько разумом, сколько неосознанной интуицией и реальной судьбой моих старших сверстников по деревенской ночной и вечерней компании. Среди моих старших друзей по ночной улице были уже и те, которые успели ознакомиться с тюремной камерой и около года провели в заключении. По их рассказам ничего страшного в небольшом тюремном сроке нет. Рассказы таких бывалых и старших «друганов» по ночной улице приучали нас, более молодых, к мысли о неизбежности тюрьмы как обязательного элемента взрослой жизни. Тюрьма рассматривалась не как страшное наказание, а как заслуженный и неизбежный университет взрослой жизни. Так, исподволь, слушая рассказы о тюремной романтике моих старших друзей и товарищей, я приучил себя к мысли, что в тюрьме нет ничего страшного.

Совсем по-другому относились к тюрьме мои родители. Практически каждый день во время совместного ужина они как бы ненароком заводили разговор о тех моих друзьях-односельчанах, которые рано бросили школу, нигде не учились и не работали, а если работали, то чернорабочими в колхозе или на железной дороге. Многие из них встали на кривую дорожку вечного воровства и уже отсидели в тюрьмах небольшие сроки. Родители меня спрашивали: разве стоит повторять их судьбу и скатываться по наклонной плоскости, чтобы уподобиться их беспросветной жизни вечного лавирования между пьяным бездельем и тюремной отсидкой? Родителей я любил не только сыновней любовью кровного родства, но и как праведных тружеников, кристально порядочных и честных людей. Они испытывали презрение к ворам и бездельникам и это свое презрение пытались внушить и в мое неокрепшее сознание.

Презирать своих друзей я не мог, но и слепо следовать их жизненной стезе воров и бесшабашных пьяниц для меня было неприемлемо. Я чувствовал в себе духовное желание, силы и способности стать если уж не высокообразованным инженером, то городским жителем со среднетехническим образованием. В деревне абсолютно нечем было заняться и невозможно было найти других друзей, кроме моей шальной компании подростков и молодежи, давно бросивших школу и ведущих полупаразитический образ жизни. Каждый выпускник школы сразу же исчезал из деревни. Или поступал в какое-либо учебное заведение, или вербовался на шахты Донбасса или куда-нибудь в другое место, чуть ли не «к черту на рога», и практически навсегда покидал деревню. Из молодежи оставались лишь бросившие школу подростки, которых даже их родители и сами деревенские жители-колхозники рассматривали не как своих преемников, а как неприспособленных к нормальной жизни отбросов общества.

Уже и без внушения родителей я понимал, что оставаться в деревне даже на год для меня чревато скорой тюрьмой и потерей всяких надежд на нормальную жизнь в городских условиях. Надо было решительно покидать родную деревню, хотя бы для того, чтобы избежать скорой тюрьмы и превращения в начального алкоголика. Все-таки в ПТУ идти мне не хотелось. Я чувствовал в себе силы, для того чтобы стать квалифицированным специалистом со средне-

техническим образованием. Изучив перечень среднетехнических учебных заведений Тамбовской области, я выбрал для поступления Котовский индустриальный техникум в надежде, что там не будет большого конкурса абитуриентов и мне удастся стать студентом даже с посредственными результатами вступительных экзаменов.

Да и проезд до него составлял от моей станции Сабурово не более двух часов на местных пригородных поездах. Почему-то не хотелось сразу же отрываться от родной деревни на дальние расстояния. Нет сомнений, что родную деревню я любил не меньше родителей. Для меня родители и родная деревня сливались в одно понятие малой родины. К моему удивлению, этот же техникум выбрал для поступления мой одноклассник из параллельного десятого класса Володя Кириллов. Володя принадлежал к «потомственной» элите. Он был сыном председателя того колхоза, который располагался километрах в десяти от нашей школы. Во время учебы в десятилетке родители снимали для него квартиру недалеко от школы. Возможно, он жил в интернате, который располагался где-то в километре от школы. Точнее сказать не могу. В школе я с ним дружбу не водил и в гостях у него никогда не был. Кириллов не был таким хулиганистым подростком, каким был я, и учился не по принуждению, а по личному желанию. По крайней мере, он был дисциплинированным учеником и не водился с компанией деревенских подростков, а добросовестно осваивал программу средней школы.

Такое невольное соседство меня весьма озадачило. Я не мог понять, почему Кириллов не пошел в ВУЗ, а избрал для поступления Котовский индустриальный техникум? Все эти тайны раскрылись, когда мы подали документы для поступления на специальность химика-технолога по взрывчатым веществам и ознакомились с перечнем вступительных экзаменов. Во-первых, оказалось, что Котовский индустриальный техникум был более престижен, чем любой пединститут. Та же специальность химика-технолога по производству взрывчатых веществ через три года успешного обучения открывала дорогу на закрытые военные производства с весьма высокими химическими технологиями и, что немаловажно, с достаточно высокой заработной платой и даже обеспечением неженатой молодежи комфортным общежитием, а женатых мастеров-производственников – комфортным жильем.

Как раз градообразующим предприятием города Котова Тамбовской области был крупнейший завод по производству всего многообразия порохов и взрывчатых веществ (п/я № 33). Во-вторых, неприятным открытием для меня, а также и для Володи Кириллова был тот факт, что по избранной специальности химика-технолога был конкурс примерно четыре абитуриента на одно место. Не знаю, как Володя Кириллов, а я ожидал отсутствия конкурентов и безусловного поступления в техникум с расчетом на свое слабое знание учебной программы в объеме средней школы. Кириллов признался мне, что и он выбрал Котовский индустриальный техникум, потому что ощущал свою неготовность к конкуренции с более подготовленными городскими выпускниками средних школ и неготовности к высоким требованиям вступительных экзаменов в ВУЗы Тамбова, а тем более города Москвы. Мы оба глубоко заблуждались.

В техникуме мы столкнулись как с огромным наплывом выпускников городских школ, так и с высочайшей конкуренцией. Но другого выбора у нас не было. Можно было с позором возвратиться в родные пенаты, завалив вступительные экзамены, или получить тройки и уступить места более подготовленным конкурентам. Другой вариант предусматривал неистовую круглосуточную и непрерывную самоподготовку, для того чтобы подтянуть багаж знаний до уровня выпускников городских школ, успешно сдать вступительные экзамены на хорошие и отличные оценки и стать студентами техникума. Лично я не раздумывая избрал путь настойчивой самоподготовки, чтобы преодолеть провалы знаний программы средней школы и стать студентом техникума. Кириллов не был связан по месту жительства родителей с компанией друзей, бросивших школу и занимающихся в вечернее время мелким воровством и пьянством.

По этой причине он без вреда для своего будущего мог позволить себе проиграть конкурс вступительных экзаменов и вернуться домой, чтобы в течение очередного года в домашних

условиях заняться тщательной и систематической самостоятельной подготовкой для поступления в техникум или ВУЗ на очередной учебный год. А вот если бы я вернулся домой, не выдержав конкуренции с городскими абитуриентами, то сразу же попал в компанию бросивших школу деревенских друзей и стал бы заниматься мелким воровством и пьянством. Школу я окончил в 1960 году, а в армию меня должны были призвать только в ноябре 1962 года. Этих двух лет вполне бы хватило, чтобы вместо техникума или института и даже вместо армии попасть на пару-тройку лет в тюремную камеру. Не помню, как долго я раздумывал, чтобы принять твердое решение обязательно стать студентом этого техникума.

Могу лишь сказать, что в тот момент поступления в техникум я впервые в жизни принял самостоятельное решение, которое заключалось в том, чтобы приложить все свои творческие силы и способности и попытаться, самостоятельно занимаясь по учебникам и посещая консультации, освоить программу средней школы в полном объеме и сдать вступительные экзамены на хорошие и отличные оценки. Эта мысль родилась не сразу. Помню, когда я уезжал из деревенского дома в город Котовск для сдачи вступительных экзаменов, мама, провожая меня, дала мне 17 рублей на питание. Этих денег было достаточно, чтобы я прожил в городе Котовске неделю, а в очередную субботу приехал домой, поделился информацией о ходе подготовки или о сдаче первого вступительного экзамена, отдохнул и отведал домашней пищи. А затем, получив новую порцию денег на очередную неделю городской жизни, снова вечером в воскресенье уехал в город Котовск.

От станции Сабурово, рядом с которой располагалась моя деревня, до города Тамбова было 25 километров пути, и несколько раз в день ходили пригородные поезда, которые примерно за час доставляли сельских жителей из близлежащих к железной дороге деревень утром на работу на предприятия города Тамбова, а по вечерам возвращали их обратно. Город Котовск располагался от города Тамбова на расстоянии 16 километров в другую сторону. И тоже несколько раз в день рабочий поезд ходил из Тамбова в Котовск и обратно. Кроме того, Тамбов и Котовск были связаны маршрутными автобусами. Никаких проблем не было в том, чтобы, потратив на дорогу два часа времени, к вечеру любого дня, а тем более в субботу или воскресенье покинуть Котовск и оказаться в родном деревенском доме. Когда мама давала мне 17 рублей на пропитание, она и рассчитывала, что после сдачи каждого очередного экзамена я буду приезжать в родительский дом и, получив очередную порцию финансов, возвращаться в Котовск для продолжения сдачи вступительных экзаменов.

Примерно так же мыслил и я, когда с 17 рублями в кармане покинул родительский дом и отправился в Котовск для подготовки к первому вступительному экзамену. Однако быстро на месте оценив обстановку с наплывом абитуриентов с довольно высоким конкурсом и сопоставив все это с багажом своих личных знаний по программе деревенской десятилетней школы, я принял твердое решение не возвращаться в деревню, пока не сдам все вступительные экзамены и не получу уведомления о зачислении меня в студенты техникума. Я не помню перечня вступительных экзаменов и даже не помню, где я жил и где ночевал. Скорее всего, как иногороднего, меня обеспечили временным общежитием. Но хорошо помню, что я всегда был в коллективе моих потенциальных конкурентов. Причем всех нас обеспечили учебниками для подготовки, перечнем основных экзаменационных вопросов и регулярными консультациями тех преподавателей, которые должны были принимать у нас вступительные экзамены.

Не могу найти объяснения, каким образом мне хватило 17 рублей на целый месяц напряженной жизни и непрерывных самостоятельных занятий? Абсолютно уверен, что я хорошо питался и не испытывал никакого голода. Ведь состояние голода-то я бы обязательно запомнил. Тем не менее факт остается фактом. А обстоятельства этого удивительного факта таковы, что 7 рублей из 17 я истратил на покупку модного в то время небольшого студенческого чемоданчика, прообраза будущих «дипломатов», а оставшихся 10 рублей мне хватило на целый месяц полноценного питания. Я думаю, что я практически не тратил маминых денег, потому

что обильным домашним питанием меня обеспечивали котовские и тамбовские кандидаты в студенты, которые очень быстро стали моими близкими друзьями.

Общительности мне было не занимать, и я быстро сошелся с моими конкурентами из числа местных жителей и жителей города Тамбова. Когда они посещали своих родителей, то возвращались в помещение для абитуриентов с целыми сумками и пакетами вкусной домашней снеди. Скушать все это обилие домашних продуктов одному человеку было невозможно, и каждый считал честью поделиться пищей со мной, их новым деревенским другом, который за все время вступительных экзаменов ни разу не покинул не только город Котовск, но и саму отведенную для жительства и подготовки экзаменов территорию техникума. Для них это было поразительно и необъяснимо. Поразительно было и для меня решение не возвращаться и не посещать родную деревню и родителей до полной и успешной сдачи всех вступительных экзаменов. Со мной произошло настоящее чудо духовного перерождения. Я решил самостоятельно пополнить свой багаж учебных знаний и устранить все провалы и пропуски школьной программы в объеме тех предметов, которые были вынесены на вступительные экзамены.

Я нисколько не принуждал себя к самостоятельной учебе. Меня это увлекло и так мне понравилось, что я испытывал от самостоятельных занятий непередаваемое чувство радости. Оказалось, что не только родители, но и наша деревенская школа, в том числе и мой внешкольный непреходящий личный интерес к техническим наукам, создали прочный фундамент для самостоятельной подготовки. В немалой степени способствовала этому и новая среда окружения. Среди новых друзей и кандидатов в будущие студенты не было ни одного, кто бы яростно не занимался и не стремился пополнить багаж собственных знаний для успешной сдачи вступительных экзаменов. Не было тех, кто приехал просто так, чтобы впустую провести время. Было общее стремление всех поступающих стать студентами техникума. Высокая конкуренция не угнетала меня и не пугала, а лишь стимулировала мою работоспособность.

Отмечу и ещё одно странное обстоятельство. В школе и даже в своей деревенской компании я никогда не был лидером или авторитетом, но никогда и не был незаметной серой птичкой. Не только в учебе, но и в хулиганстве я придерживался золотой середины, стараясь не быть последним, но и не желая быть ни первым учеником, ни первым хулиганом. По своему деревенскому комплексу неполноценности я считал себя человеком средних способностей и с такими мыслями и приехал в Котовск на сдачу вступительных экзаменов в техникум. Меня поначалу несколько тревожило, что я впервые в жизни покинул своих родителей, свой деревенский дом и свою деревню, то есть все то, что я искреннее любил и чем была пропитана моя душа как самым дорогим для меня и неотделимым от моего сознания и разума. Конечно, я ожидал, что меня начнет грызть ностальгия по деревне, а сам я окажусь замкнутым и отстраненным от нового окружения.

Видимо, мое желание внутреннего изменения было так сильно, что мой прогноз на замкнутость был сломан моим внутренним «я» без всякого усилия. Никакой внутренней самоизоляции не случилось. Непостижимым для меня образом буквально через несколько дней пребывания в Котовске и общения со своими городскими конкурентами и преподавателями-консультантами я очень быстро стал центром внимания и авторитетом как для конкурентов, так и для преподавателей-консультантов. Я вписался в новую обстановку так быстро и так прочно, как будто я ничем другим и не занимался, а много лет подряд сдавал вступительные экзамены и покидал родные деревенские пенаты и как бы накопил практический опыт самостоятельной работы и огромный опыт общения с городскими сверстниками и молодыми людьми с другими интересами и другого, не деревенского, круга.

Изо всех желающих стать студентами техникума по специальности химика-технолога по взрывчатым веществам деревенскими были только я и Володя Кириллов. Набирали на эту специальность исключительно парней. Девушек в нашей подготовительной группе не было. В отличие от меня Володя Кириллов сразу же снял за личные средства комнату в частном

секторе и появлялся в общей группе только во время консультаций. По поведению в период сдачи вступительных экзаменов он оказался замкнутым и хорошо подготовленным индивидуалистом. Кириллов тоже твердо решил стать студентом и настойчиво шел к цели, в тишине своей снятой комнаты и в полном одиночестве шлифуя и повторяя те знания, которые накопил по школьной программе. В школе мы с Кирилловым учились в параллельных классах и не были не только друзьями, но даже практически не общались и не контактировали. Такое же взаимное безразличие между нами сохранялось и в период сдачи вступительных экзаменов.

Да, теперь это отдаленное прошлое выплыло из тумана забвения и прояснилось. Нет сомнений в том, что меня поселили в большой студенческой комнате вместе с иногородними ребятами и моими конкурентами из таких городов, как Липецк, Курск, Ростов и Воронеж. Таких оказалось достаточно много, если не ошибаюсь, человек 12–16. Когда приходили ребята из Котовска и приезжали тамбовские на консультации или за сутки до сдачи очередного вступительного экзамена, то все они заходили в нашу комнату, делились с нами продуктами, а заодно пытались получить разъяснения по тем вопросам будущего приемного экзамена, которые им были непонятны. Как-то так само собой получилось, неожиданно даже для меня самого, что я и оказался главным и самым авторитетным нештатным консультантом для своих конкурентов.

Началось это общее повышенное внимание к моей персоне после первых же общих консультаций по сдаче первого вступительного экзамена. Интуитивным образом я нащупал какой-то свой индивидуальный стиль накопления знаний, который в корне отличался от зубрежки и предполагал постоянные контакты с моими конкурентами по их инициативе. Несомненно, что это было полезно для моих конкурентов, но в тысячу раз более полезно для меня самого. Попытаюсь вкратце рассказать об этом индивидуальном методе накопления знаний. Эффективность его лично для меня доказана всем ходом моей последующей жизни.

Глава 2

Успехи и поражения

Наработка индивидуальных методов накопления технических знаний

Дело в том, что другие абитуриенты задавали вопросы консультанту не по отдельным темам, а только по конкретным вопросам будущих экзаменационных билетов. Я же таких вопросов никогда не задавал. Я задавал какие-то общие вопросы, которые касались основ того предмета науки, которые нам предстояло сдавать на очередном вступительном экзамене. Я выстраивал в своем разуме какую-то индивидуальную логическую цепочку по каждому сдаваемому предмету. Мне было важно понять какие-то основополагающие аксиомы, законы, теоремы и просто условности, принятые для химии, математики или других технических предметов, внесенных в перечень вступительных экзаменов. В последующем, на самом экзамене, мой разум добирался до этих индивидуальных постулатов, осмысливал их и через них по логической цепочке сознания искал и всегда находил правильный ответ на письменный или устный вопрос экзаменационного билета. Многие формулы я даже не помнил визуально, но зато знал их внутреннюю сущность.

Я вообще всегда отличался достаточно слабой зрительной памятью, поэтому запомнить текст большого объема и даже отдельный лист книги с объяснениями и доказательствами по отдельным вопросам вступительных экзаменов для меня было большой проблемой. Я схватывал общее содержание как единое целое или как гармоничную систему. То, что называется зубрежкой, никогда не было моим методом накопления знаний, и в какой-то мере я испытывал неприязнь к моим сверстникам, которые пополняли свой багаж знаний откровенной зубрежкой. Мне их было жалко, потому что они тратили во много раз больше времени и усилий, чтобы запомнить правильные ответы на весь достаточно большой перечень экзаменационных вопросов. Зато я очень хорошо запоминал объяснения учителей, особенно если не отвлекался, а хотел понять то, о чем рассказывал учитель. Но уже при сдаче вступительных экзаменов в техникум я окончательно понял, что главным моим личным методом накопления знаний является самоподготовка с активным общением с соучениками или собственными конкурентами, а при их отсутствии – и внутреннее диалоговое общение с самим собой.

Объясняя другим то, что и сам знал не совсем уверенно до начала объяснения и словесного общения, я настолько глубоко вникал в сущность задаваемого вопроса, что усваивал его крепко и надолго, и наверняка лучше того, которого консультировал. А главное, после таких спонтанных консультаций я мог находить и другие доказательства по тематике данного вопроса, что исключало возможность сомнений или неуверенности при сдаче вступительного экзамена, а затем и всего множества экзаменов, которые мне пришлось сдать в течение моей учебы в техникуме, в военном училище и во время длительной профессиональной флотской службы. Внутренние диалоги с самим собой по той или иной теме научного предмета тоже приносили мне блестящие результаты долговременного закрепления знаний и понимания сущности данной тематики или раздела научного предмета.

Чтобы понять разницу и отличие моего метода обучения и метода откровенной зубрежки, приведу пример из собственной жизни. В высшем военном училище, используя наработанный при поступлении и учебе в техникуме свой метод активной самоподготовки с постоянной устной консультацией своих сокурсников в качестве нештатного классного преподавателя в часы самоподготовки и в любое другое время, за все пять лет обучения, начиная со вступи-

тельных экзаменов и до защиты дипломного проекта, я не получал никаких других оценок, кроме «круглых» пятерок. По завершении учебы единственному из всего класса в составе 21 выпускника мне была вручена заслуженная золотая медаль. Примечательно, что я даже не по всем лекциям вел конспекты, а если и вел, то иногда так их шифровал для краткости записи, что и сам не мог сразу понять, что там мной зашифровано. Выручали конспекты курсантов из параллельных двух классов и непрерывные устные предэкзаменационные консультации моих одноклассников. Расскажу вам одну историю про моего сослуживца по атомной подводной лодке Северного Флота Гену Костина.

Начинали мы учебу на первом курсе военного училища в составе 20 курсантов, но на четвертом курсе к нам зачислили курсанта Гену Костина, который четыре года отучился в той группе, набор которой состоялся за год до нашего набора. Там он получил по результатам обучения на четвертом курсе сразу три двойки на экзаменах и был отчислен из училища, но продолжил флотскую службу в качестве обычного матроса. Отец у Гены имел звание капитана 1 ранга и, видимо, занимал высокую должность. Он добился, что сына через год срочной службы вернули в училище на тот же четвертый курс, на котором Гена уже отучился, но по результатам учебы получил три экзаменационные двойки. Так Гена Костин, стал 21-м курсантом нашего класса и моим хорошим товарищем. Вплоть до выпуска из училища с обоюдного согласия личной дружбы я помогал Гене подготовиться к очередным экзаменам и сдать их хотя бы на тройки.

В конце концов Гена Костин с великим трудом и немалой зубрежкой закончил училище на тройки и стал офицером и инженером по автоматике, телемеханике и вычислительной технике. Или по насмешке судьбы или по ходатайству высокопоставленного родителя Гены Костина, но мы попали с ним в один экипаж и года два-три вместе обслуживали боевой информационно-управляющий комплекс по стрельбе баллистическими ракетами с атомными боеголовками, стрельбе торпедами и решению задач навигации и определения места на атомном ракетном подводном крейсере стратегического назначения «К-423» Северного Флота. Конечно, как инженер Гена был не способен самостоятельно и в одиночку устранить даже самую простую неисправность многофункционального вычислительного комплекса и его множества оконечных систем, включая и приборы ввода в баллистические ракеты исходных данных по наведению ракет с ядерными боеголовками на назначенные цели. Когда возникали мелкие или серьезные неисправности, я сильно раздражался от бесполезности Гены как инженера и специалиста.

Однако, когда я устранял неисправности, Гена неизменно помогал мне тем, что грел паяльник или быстро приносил нужную деталь, плату или блок, необходимые для устранения неисправности. Как только неисправность устранялась, я тут же забывал обиду и раздражение и снова воспринимал Гену Костина как своего друга и товарища. Притом я и сейчас не понимаю причины, почему он так настойчиво стремился окончить училище и стать военноморским офицером, да ещё и напроситься на тяжелую службу офицера-подводника атомного ракетноносца? Ведь наша служба была полна опасностей как для здоровья от вредной радиации атомного реактора и вдыхания в течение трех месяцев без всплытия на поверхность воздушной смеси, лишь отдаленно напоминающей нормальную атмосферу земной поверхности, так и для жизни.

Ведь в любой момент длительного подводного трехмесячного плавания могла возникнуть тяжелая аварийная ситуация с непредсказуемыми последствиями для атомохода и членов экипажа. И такие тяжелые аварийные ситуации иногда возникали, но, к счастью, не на нашем подводном ракетноносце. Гена не был трусом. Это точно. Но, думаю, что свой жизненный выбор он делал не самостоятельно, а по требованию родителей и по желанию отца. Он осуществлял план, предписанный ему родителями. Служба на лодке нужна была для успешной карьеры на берегу. Опыт службы на подводной лодке придавал такой высокий авторитет офицеру, что на

береговой службе никто не посмел укорять офицера за слабые инженерные знания, по крайней мере в первые годы в новой должности. Действительно, года через три Гена Костин перевелся в Ленинград, и моя связь с ним была утеряна. Что я могу сказать о нем положительного? Видимо, занимаясь пять лет, а практически шесть лет учебы в училище зубрежкой материала, он развил в себе удивительную зрительную память, которая мне была недоступна.

На пятом курсе мы часто с Геней Костиным посещали кинотеатры и смотрели новые фильмы. И вот представьте себе, иногда в восторге от увиденного фильма Гена Костин мог полностью пересказать слово в слово все фразы и монологи актеров и при этом изобразить их в лицах. Это меня поражало. Я запоминал лишь общее содержание или канву фильма, но при этом дословно мог запомнить лишь отдельные особо выдающиеся фразы и выражения. Я думаю, что Гена и сдавал на тройки экзамены благодаря своей феноменальной зрительной памяти. Он не имел способности вникнуть в глубинную сущность той или иной технической науки. А зрительная память не бесконечна. Через месяц другой Гена начисто забывал то, что он сдавал, и его багаж технических знаний снова становился чистым листом бумаги.

Теперь я объясняю для себя это свойство тем, что по независящим от Гены причинам, а по устройству его механизма накопления знаний он использовал для учебы возможности мозга, но не использовал для накопления знаний разум, сознание и подсознание, как главных составляющих человеческой души. Он не использовал внутренние диалоги между мозгом, разумом и подсознанием, и потому его знания носили чисто зрительный характер, исключаящий глубинное внутреннее осмысление. В глубинном самосознании у него ничего не откладывалось, а значит, и накопления технических знаний не происходило. Таких экспериментов я с ним не проводил, но уверен, что после окончания училища и получения звания инженер-лейтенанта Гена не мог ничего толкового рассказать, например, о бесконечно малых, дифференциалах и интегралах, а также о многих других вещах высшей математики, как и о физических процессах, происходящих внутри вычислительных и аналоговых средств того мощного боевого комплекса, который мы с ним были обязаны не только обслуживать, готовить к боевым и практическим стрельбам, но и как можно быстро устранять в нем все технические неисправности.

Естественно, что, несмотря на такую исключительную зрительную и слуховую память, Гена Костин был слабым инженером. И именно потому, что, хотя училище он закончил, но никаких знаний в его сознании и подсознании за эти шесть лет обучения не накопилось. Они выветрились, как выветриваются и все бесчисленные зрительные образы из нашей памяти. Какие-то образы сегодняшнего дня мы ещё помним, но спроси нас, что мы видели неделю или месяц назад, и мы затруднимся ответить. Вот так и случилось с Геней Костиным. Возможно, ему надо было идти в актеры, а не мучить себя шестилетней зубрежкой технических наук, которые он так и не усвоил. Сейчас, по слухам, Гена Костин живет в Санкт-Петербурге. Я не знаю, где он служил после атомной подводной лодки и до какого офицерского звания дослужился, но думаю, что капитаном 1 ранга он так и не стал. В наши времена безграмотным офицерам на технических должностях капитана 1 ранга не присваивали.

Я просил моего сокурсника по училищу Володю Прудникова дать мне домашний телефон Гены Костина, но он мне сказал, что звонить ему бесполезно. Оказалось, что Гена Костин сильно пьет и на звонки или не отвечает, или мычит что-то невнятное. Я думаю, что это расплата за неправильно выбранный жизненный путь. Как офицер ВМФ с высшим техническим образованием, он просто не мог использовать свои уникальные способности зрительного и слухового запоминания достаточно больших объемов информации. Но закончим историю с Геней Костиным и вернемся к истории моего поступления в Котовский индустриальный техникум. Мой индивидуальный стиль самоподготовки опирается на другую систему пополнения копилки личных знаний. Как я сейчас понимаю, мой мозг не накапливает и не хранит в себе технические знания, а отправляет их в разум, а затем и в сознание и подсознание моей инди-

видуальной души. Затем происходит внутренний мысленный диалог, который воспринимается мной как отвлеченное осмысление нового знания.

Что-то несущественное выбрасывается, но главная часть существенного знания надолго закрепляется в подсознании. При необходимости я оттуда вытаскиваю такие знания, которые бывают удивительны и для меня самого. Правда, не сразу. Для этого требуется глубокая сосредоточенность на том или ином техническом вопросе. Иногда этот процесс занимает 10–20 минут, иногда несколько часов, а некоторые особо тонкие вопросы научного знания я обдумываю месяцами и годами, прежде чем отыскать точный ответ. Особенно этот процесс бывает длительным, когда мой внутренний ответ противоречит сути и содержанию фундаментальных законов науки. Но факт есть факт. Я бы никогда не стал философом, доказывающим несостоятельность фундаментальных законов науки, таких, например, как закон сохранения энергии и закон всемирного тяготения, если бы подсознание не поставляло мне доказательства несостоятельности этих законов. Причем исходным материалом для таких ортодоксальных выводов являются результаты достижений самой современной науки и их осмысление вне рамок принятых фундаментальных законов.

Раньше мое подсознание лишь критически анализировало фундаментальные законы, но, когда накопилось достаточно научной и религиозной информации, в разуме сформировались аргументы для доказательства ошибочности главных фундаментальных законов науки. Чтобы довести эти аргументы и доказательства до общественности, я стал философом и начал издавать книги с критикой фундаментальных законов науки и с изложением собственного взгляда и собственной гипотезы о материальном мире и энергетических процессах Вселенной. Я могу точно сказать по опыту всей моей прошлой жизни, с учетом учебы в техникуме, срочной службы на кораблях Балтийского Флота, а затем учебы в высшем Военно-Морском училище, а также с учетом долгой и разнородной профессиональной деятельности офицера ВМФ и накопления знаний для публикации философских работ по научно-религиозной тематике, что моя система накопления и усвоения знаний каким-то коренным образом отличается от системы, которую используют большинство моих современников.

В чем тут дело я, как мог, в двух словах выше пояснил: «основы различных направлений наук, научные теории и гипотезы – все, что интересно и любопытно моему разуму, в общем виде попадают в подсознание, а там обрабатывается и возвращаются в разум уже в обновленном виде». Иногда этот обновленный вид не совпадает с тем, что я читаю и осмысливаю при чтении. Как бы ниоткуда появляется новое знание, которому я длительное время не придавал особого значения. А вот тонкости и подробности этого таинственного процесса не только в двух словах, но даже в многословной работе объяснить невозможно. Например, практикующий экстрасенс, поражающий ученых или зрительскую публику своими феноменальными возможностями, никогда и никому не может объяснить, как он это делает. Не только экстрасенс с феноменальными способностями, но и каждый индивидуальный человек не может толком объяснить, каким образом он накапливает знания и, превращая их в устойчивую систему, надолго сохраняет в своем разуме и сознании.

Вот также и я не способен объяснить, как работает мое подсознание. Что я могу уверенно сказать, так это то, что толчком к этому процессу стало мое непреодолимое желание быстро освоить и понять те предметы школьной программы, которые были вынесены на вступительные экзамены в техникуме. И это мне блестяще удалось. Вступительные экзамены я сдал с общей суммой баллов, значительно превышающей проходной балл для зачисления в студенты. А главное – результаты оказались выше оценок, выставленных в аттестате зрелости. Но дело даже не в оценках, а в том, что я самостоятельно достиг системных и надежных знаний по предметам вступительных экзаменов. Если бы после этого я мог повторить школьные выпускные экзамены, то по предметам вступительных экзаменов техникума, несомненно, получил бы в аттестат только отличные оценки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.